

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА  
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

## ПСИХОЛОГІИ.

### ЖУРНАЛЪ,

*основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.*

ГОДЪ XXIII.

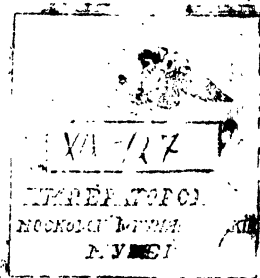
Подъ редакціей *Л. М. Лопатина.*

---

**Книга I (111).**

---

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ—1912 г.



МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества М. Н. Кушнеревъ и К<sup>о</sup>.

Пименовская ул., соб. домъ.

1912 г.

# СОДЕРЖАНІЕ.

---

Нравственная задача человечества. <b>В. М. Хвостова</b> . . .	Стр. 1
Патологія морального чувства. <b>С. А. Суханова</b> . . . . .	34

---

Кризисъ идеи субъекта въ наукоученіи Фихте старшаго. <b>Ив. Ильина</b> . . . . .	1
Понятіе эмпиризма въ нѣмецкой психологіи XVIII вѣка. <b>А. Болтунова</b> . . . . .	40
Къ вопросу о свободѣ воли. <b>Е. Романовой</b> . . . . .	73
Случай и безсознательное. <b>Д. Мордухай-Болтовскаго</b> . . .	97
Новая форма философскаго критицизма. <b>Н. Лосскаго</b> . .	118

---

## Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ . . . . .	168
--	-----

## Полемика.

Отвѣтъ Е. Спекторскому. <b>В. Грабаря</b> . . . . .	170
---	-----

<b>Московское Психологическое Общество</b> . . . . .	175
--	-----

Отчетъ о торжественномъ засѣданіи по случаю 30-лѣт-  
няго юбилея Л. М. Лопатина.

Привѣтствія и адреса, прочитанныя на засѣданіи.

Двѣ отвѣтныя рѣчи Л. М. Лопатина.

## Объявленія.

---

# Случай и бессознательное.

## § 1. Теорія вѣроятностей и будущее.

По теоремѣ Якова Бернулли, по вѣроятности какого-либо событія можно судить о томъ, насколько часто будетъ появляться это событіе при предстоящемъ рядѣ испытаній. Если вѣроятность игрока выиграть партію равна  $\frac{1}{2}$ , то слѣдуетъ ожидать на двѣ партіи одного выигрыша.

Если послѣднее правило будетъ *систематически* нарушаться, если у игрока будутъ непрерывныя *полосы* проигрышей по 20—30 разъ, то мы сочтемъ такое явленіе настолько исключительнымъ, настолько противорѣчающимъ выводамъ теоріи вѣроятностей, которая въ подобныхъ элементарныхъ выводахъ является здравымъ смысломъ, выраженнымъ математическими формулами, что будемъ вынуждены притти къ убѣжденію, что не случай опредѣляетъ исходъ событій, а нечестныя дѣйствія партнеровъ.

Вѣроятность есть отношеніе числа благопріятныхъ событій случаевъ къ числу всѣхъ единственно возможныхъ случаевъ, при чемъ *все случаи предполагаются равновозможными*. Если въ урнѣ 10 бѣлыхъ и 10 черныхъ шаровъ, то вѣроятность вынуть черный (или бѣлый) шаръ равна  $\frac{10}{20} = \frac{1}{2}$ . При этомъ предполагается, что вѣроятность выхода *опредѣленную* шара одна и та же. Но если игрокъ *сознательно* вынимаетъ бѣлый шаръ, руководствуясь осязаніемъ по царапинамъ, предварительно нанесеннымъ на каждомъ изъ черныхъ шаровъ, то уже равновозможность случаевъ не имѣетъ мѣста, вѣроятность уже не опредѣляется числомъ  $\frac{1}{2}$ , и бѣлый шаръ не слѣдуетъ ожидать 1 разъ на 2 выхода.

Равновозможность случаевъ мы устанавливаемъ при предложеніи *совершенно идеальной* обстановки, предполагая отсутствіе

какихъ-либо факторовъ, дѣйствующихъ въ строго опредѣленномъ направленіи, въ сторону появленія событій какой-либо опредѣленной категоріи. При опредѣленіи вѣроятности выхода чернаго шара изъ урны, гдѣ находятся какъ черные, такъ и бѣлые шары, мы предполагаемъ, что мы не видимъ эти шары, что мы не можемъ осязаніемъ различить чернаго отъ бѣлаго, что шары не положены въ урну преднамѣренно нами же въ такомъ порядкѣ, что бѣлые шары оказываются наверху, а черные—внизу, и потому бѣлые первыми попадаютъ подъ руку.

Несходство дѣйствительно наблюдаемаго числа появленій событій, напр. появленія чернаго шара при послѣдовательныхъ выниманіяхъ шаровъ изъ урны, съ тѣмъ, которое дается теоріей вѣроятностей, указываетъ на наличность факторовъ, нарушающихъ эту идеальную обстановку, которыми мы при нашемъ вычисленіи вѣроятности и предвычисленіи ожидаемаго числа появленій событія не могли пренебречь вслѣдствіе значительнаго ихъ вліянія.

Обстановка, при которой производились испытанія, оказывается значительно отклоняющейся отъ той *математической схемы*, съ которой она отождествляется въ теоріи вѣроятностей.

Теорія вѣроятностей учитъ, что вѣроятность послѣдовательнаго появленія счастливой карты равняется произведенію изъ вѣроятностей ея появленія въ каждой изъ партій, что эта вѣроятность мала, что *случаи, когда шрокъ выигрываетъ нѣсколько разъ подрядъ, очень рѣдки*. Если вѣроятность выигрыша при одной партіи  $\alpha$ , то вѣроятность послѣдовательныхъ выигрышей при  $n$  партіяхъ равна  $\alpha^n$ . Но теорія вѣроятностей смотритъ на вѣроятность событій, какъ геометръ—на тѣла, или какъ механикъ—на движеніе, принимая въ расчетъ только наиболѣе значительныя силы. Теорія вѣроятностей предполагаетъ, что ходъ игры зависитъ только отъ числа благопріятныхъ комбинацій картъ и пренебрегаетъ тѣми факторами, которые, хотя и имѣютъ мѣсто, ибо мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, а не съ идеальной схемой, но оказываютъ слишкомъ слабое вліяніе на исходъ игры.

## § 2. Математическая схема жизни и дѣйствительность.

Но столь ли незначительны тѣ силы, которыя выводятъ дѣйствительность за рамки этой геометрической схемы? Факты, о

которыхъ говоритъ и народная мудрость, и горькій опытъ тѣхъ, которые имѣютъ постоянное дѣло съ случаемъ, иногда рѣзко идутъ противъ принциповъ теоріи вѣроятностей, указывая, что геометрическая схема слишкомъ тѣсна для жизни, мрачную глупину которой нельзя ни измѣрить, ни вычислить.

Они учатъ о *полосахъ счастливыхъ и несчастныхъ случаевъ*, о неумолимой и капризной судьбѣ, имѣющей своихъ любимцевъ и пасынковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны признать дѣйствіе силы, которую теорія вѣроятностей не въ состояніи изловить и выразить въ числахъ.

Если вѣроятность выиграть въ первую партію  $a$ , то, по теоріи вѣроятностей, вѣроятность послѣдовательныхъ выигрышей въ  $n$  партий равна  $a^n$ . Но, вслѣдствіе дѣйствія невѣдомаго фактора, склоняющаго судьбу въ сторону игрока, вѣроятность во вторую партію не  $a$ , а  $a + \epsilon_2$ , гдѣ  $\epsilon_2$  хотя и малая, но нѣкоторая, отличная отъ нуля, положительная величина, при третьей партіи вѣроятность не  $a$  и не  $a + \epsilon_2$ , а  $a + \epsilon_3$ , гдѣ  $\epsilon_3 > \epsilon_2$ , затѣмъ  $a + \epsilon_4$ ,  $\epsilon_4 > \epsilon_3$  и т. д. Вѣроятность  $n$  послѣдовательныхъ выигрышей

$$a (a + \epsilon_2) (a + \epsilon_3) \dots (a + \epsilon_{n-1}) > a^n$$

и можетъ быть значительно больше  $a^n$  и даже очень велика, если члены ряда

$$\epsilon_2, \epsilon_3 \dots \epsilon_{n-1}$$

быстро возрастаютъ. Подъ дѣйствіемъ такой силы, вѣроятность выигрыша (или проигрыша) при послѣдовательныхъ партіяхъ возрастаетъ.

Но такое дѣйствіе, какъ учить горькій опытъ, имѣетъ мѣсто лишь пока полосы несчастныхъ и счастливыхъ событій продолжаютъ. Какъ извѣстно каждому, эти полосы *обрываются сразу*, игрокъ подобенъ канатному плясуну, который каждую минуту рискуетъ оборваться; онъ движется шагъ за шагомъ, счастливый шагъ даетъ ему увѣренность въ новомъ шагѣ, пока не дойдетъ до послѣдняго рокового шага, который и ввергнетъ его въ пропасть. Счастье игрока подобно пріятному сновидѣнію, которое внезапно обрывается, возвращая его къ прежней дѣйствительности.

Посмотримъ, что говоритъ «игрокъ» Достоевскаго.

«Не помню я ужъ тутъ ни разчета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я уже выигралъ, кажется,

тысячъ шестнадцать флориновъ, вдругъ *тремя* несчастными ударами спустилъ изъ нихъ двѣнадцать: потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи въ «разъ» (но уже почти ничего не ощущалъ при этомъ, я только былъ какимъ-то механизмомъ безсмысленнымъ) онять *выигралъ, затѣмъ выигралъ 4 раза сряду*. Помню только, что я забиралъ деньги тысячами, запоминаю я тоже, что *чаще всѣхъ выходило двѣнадцать среднихъ*, къ которымъ я и привязывался. Они выходили какъ-то *регулярно, непременно раза три, четыре сряду*, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или четыре сряду. Эта удивительная регулярность встрѣчается иногда *полосами* и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ, рассчитывающихъ съ карандашемъ въ рукахъ».

Эти факты отнюдь не приводятъ насъ къ признанію метафизическаго элемента, дѣйствія трансцендентной сущности, живущей внѣ времени и пространства и направляющей судьбу игрока разумно къ выполнению своихъ, намъ невѣдомыхъ цѣлей.

Намъ представляется совершенно *безцѣльнымъ и бессмысленнымъ* распредѣленіе даровъ фортуны, какъ между различными людьми, такъ и для одного человѣка въ различное время.

Эти полосы счастливыхъ и несчастныхъ случаевъ представляютъ *нелѣпыя подражанія однажды происшедшему*, при чемъ не носятъ на себѣ никакой печати разумной цѣлесообразности и какого-либо интереса къ тому, несутъ ли они счастье или гибель человѣку.

Здѣсь невольно возникаетъ образъ обезьяны или идиота, который тупо повторяетъ тѣлодвиженія стоящаго передъ нимъ человѣка.

«Математическая» точка зрѣнія устанавливается теоріей вѣроятностей и на всю человѣческую жизнь, которую можно разсматривать, какъ рядъ игръ въ томъ широкомъ смыслѣ слова, какимъ пользуется теорія вѣроятностей, гдѣ игрокомъ является самъ человѣкъ, ставящій себя на карту по своему желанію или по принужденію безжалостныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ попадаетъ на жизненномъ пути. Съ этой «математической» точки зрѣнія судьба не представляется жестокимъ существомъ; она можетъ блестяще оправдать себя отъ непріятныхъ обвиненій съ помощью теоріи вѣроятностей.

Вотъ два человѣка: Павелъ и Петръ, приблизительно одной

и той же среды, съ одной и той же жизнеспособностью. Павелъ и Петръ, это два игрока, выигрышъ которыхъ опредѣляется выходомъ перваго—бѣлыхъ, втораго—черныхъ шаровъ изъ урны, при чемъ въ урнѣ одинаковос число бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Если на голову Павла валятся несчастья, то причиной этому не гнѣвъ боговъ, а только то, что этотъ человѣкъ или слабъ и не можетъ вынести то, что другіе выносятъ, не можетъ побѣждать и долженъ быть побѣжденъ, или то, что онъ безумно смѣлъ и рискуетъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ рисковать.

Василій Оивейскій не укладывается въ математическую схему, какъ и бѣдный Макаръ русской пословицы.

Но жизнь много глубже, много трагичнѣе и злѣй, чѣмъ наша схема, въ которую мы желаемъ ее всунуть. Она смѣется надъ математическими расчетами тамъ, гдѣ результаты послѣдняго ожидаются съ наибольшей увѣренностью. Иногда съ жестокой настойчивостью тянутся полосы удачъ и неудачъ, и всѣ усилія человѣка порвать ихъ не достигаютъ цѣли. Перстень Поликрата, брошенный въ море, возвращается снова къ Поликрату хотя бы чудеснымъ путемъ.

### § 3. Мое и не мое.

Всякое сознательное дѣйствіе слагается изъ элементарныхъ актовъ, изъ которыхъ только часть сознается, большинство же находится подъ порогомъ сознанія. Когда я иду по дорогѣ къ напередъ намѣченному мною мѣсту, то совершаю рядъ шаговъ, изъ которыхъ большинство совершается безсознательно, какъ движеніе смычкомъ музыканта. Во время ходьбы мое сознаніе можетъ быть всецѣло занято какимъ-либо размышленіемъ, которое прерывается время отъ времени въ тѣ моменты, когда процессъ ходьбы всплываетъ въ сознаніе. Встрѣченный по дорогѣ человѣкъ, передъ которымъ слѣдуетъ посторониться, неровная почва, препятствующая ровной ходьбѣ, и т. д. являются причинами такихъ разрывовъ. Независимо отъ прогресса мышленія, протекающаго въ сознаніи, безсознательная мысль свершаетъ свою работу, управляя ходьбой, какъ бы по данному приказанію и инструкціямъ сознанія, и только въ исключительныхъ случаяхъ обращается за помощью къ высшей инстанціи.

Всю цѣпь элементарныхъ актовъ, изъ которыхъ слагаются наши дѣйствія, можно представить себѣ въ видѣ неровнаго дна

рѣшки, то поднимающагося надъ уровнемъ воды, то опускающагося вглубь.

Направленіе нашихъ безсознательныхъ шаговъ, даже, болѣе того, средняя ихъ скорость опредѣляется нѣкоторой сознательной цѣлью, которая опредѣляетъ сознательное дѣйствіе.

Но, конечно, сознание заинтересовано только общимъ направлениемъ шаговъ, въ иныхъ случаяхъ ихъ скоростью, но для него являются *безразличными* детали, оно допускаетъ *произвольность въ извѣстныхъ границахъ*; шаги могутъ быть то меньше, то больше, движеніе можетъ отклоняться то влѣво, то вправо, не направляясь съ геометрической точностью по одному направленію, отмѣченному сознательной волей.

Такимъ образомъ *элементарные акты опредѣляются сознаниемъ не вполне, а только частично*. Чѣмъ опредѣляется эта остающаяся, независимая отъ сознанія часть?

Слѣдуетъ ли предполагать, что безсознательная дѣятельность только слѣпо выполняетъ то, что ей приказываетъ сознание, что, напримѣръ, при ходьбѣ ея дѣятельность сводится только къ производству шага въ данномъ направленіи и съ данной скоростью, намѣченными сознаниемъ? Слѣдуетъ ли думать, что, если одинъ изъ ряда актовъ отличается отъ другого, то это только вслѣдствіе того, что тотъ механизмъ, который находится въ распоряженіи безсознательной психики, не вполне совершенъ и не даетъ возможности въ точности выполнять ей велѣнія высшей инстанціи?

Или, наоборотъ, слѣдуетъ предположить нѣкоторую *автономность* въ дѣятельности безсознательной психики, признать, что существуетъ нѣкоторая область, на которую не распространяется власть сознанія, въ которой *безсознательное эманципируется*, гдѣ направленіе и характеръ дѣйствій опредѣляется не выставленной сознаниемъ цѣлью, а другими цѣлями, лежащими ниже порога сознанія?

#### § 4. Механизмъ безсознательныхъ актовъ.

Для рѣшенія этого вопроса намъ кажется необходимымъ установить особую точку зрѣнія на безсознательные процессы. Намъ представляется, что только тогда введеніе въ разсмотрѣніе безсознательныхъ актовъ является въ наукѣ плодотворнымъ, если



предполагать, что механизм ихъ совершенно тотъ же, что механизмъ сознательныхъ актовъ. Мы должны совершенно отбросить взглядъ на бессознательную психическую дѣятельность, какъ на непосредственное проявленіе Абсолюта, этотъ источникъ самыхъ серьезныхъ заблужденій. По этому ученію подъ порогомъ сознанія мы носимъ какого-то бога, который безошибочно, съ искусствомъ, завиднымъ для вѣчно колеблющагося и полнаго ошибокъ сознанія, работаетъ для своихъ метафизическихъ цѣлей. Это драгоценное свойство бессознательной дѣятельности, служащее печатью трансцендентнаго происхожденія бессознательной психики, должно быть разъ навсегда отвергнуто. Если мы теперь прослѣдимъ всѣ тѣ случаи, гдѣ является необходимымъ для объясненія введенія бессознательныхъ процессовъ, то легко увидимъ необходимость представленія ихъ вполне аналогичнымъ сознательнымъ, съ единственнымъ различіемъ въ томъ, что въ нихъ отсутствуетъ сознаніе. Приходится говорить и о бессознательномъ мышленіи, и о бессознательныхъ волѣ и ощущеніи.

«Бессознательная дѣятельность,—говоритъ Гефдингъ<sup>1)</sup>,—несетъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ же принциповъ и законовъ, которые управляютъ и сознательной работой».

Противникамъ введенія въ психологію понятія о бессознательной психической дѣятельности можетъ показаться необходимость признанія бессознательнаго ощущенія на ряду съ сознательнымъ мышленіемъ, съ которымъ еще, можетъ быть, ихъ можно, хотя и съ трудомъ, примирить доказательствомъ *Reductio ad absurdum* ложности этого ученія. Можно ли ощущать, не сознавая этого ощущенія? Не представляется ли это воплощеннымъ абсурдомъ, такъ какъ сознаніе должно явиться неотъемлемой частью каждаго ощущенія, и только черезъ сознаніе мы узнаемъ, что такое ощущеніе?

## § 5. Низшія сознанія.

Въ спорѣ о бессознательномъ возможно примиреніе во многихъ отношеніяхъ между противными сторонами. Если сгладить и послѣднее различіе между бессознательной и сознательной

<sup>1)</sup> Психологія, стр. 83.

психической дѣятельностью, если признать, что то, что мы называемъ безсознательной дѣятельностью лишено не вообще сознанія, а того сознанія, которое опредѣляетъ единство нашей личности, если признать, что порогъ сознанія не указываетъ конецъ сознанія, что тѣ ощущенія, интенсивность которыхъ опускается ниже границы, отвѣчающей порогу сознанія, могутъ существовать въ области низшаго порядка сознанія. На этой точкѣ зрѣнія и становится Э. Гельтманъ въ своемъ ученіи объ относительномъ безсознательномъ въ противоположность Абсолютному.

Тотъ же выводъ дѣлаетъ и Геффдингъ, основываясь на психофизическомъ параллелизмѣ. «Безсознательное, по его мнѣнію, какъ таковое, понятіе чисто отрицательное, ничего не объясняющее; положительное въ этомъ понятіе есть *сознательная душевная жизнь въ низшихъ центрахъ сознанія*, и только послѣ признанія этого положенія безсознательное становится положительнымъ объяснительнымъ принципомъ. Физиологически это объясняется тѣмъ, что каждое раздраженіе, доходящее до большого мозга, развѣтвляясь на пути, вызываетъ также и въ подчиненныхъ нервныхъ центрахъ возбужденія, которыя отчасти самостоятельно превращаются въ движенія, а отчасти вновь посылаютъ модифицированныя раздраженія къ большому мозгу». Того же мнѣнія придерживается и Паульсенъ.

Итакъ на ряду съ главнымъ, властвующимъ, царственнымъ сознаніемъ мы признаемъ другія сознанія низшихъ порядковъ.

Мы разсматриваемъ психическую жизнь, состоящей изъ цѣлага ряда психическихъ центровъ, около которыхъ группируются системы психическихъ актовъ.

Да не покажется страннымъ признаніе такихъ ощущеній, которыя *мы не сознаемъ*, но, которыя тѣмъ не менѣе *сознаются*. Ощущенія Павла не сознаются Петромъ, но тѣмъ не менѣе Петръ не имѣетъ основанія отрицать ощущенія Павла. Въ то время, какъ то, что называютъ сознательной психической дѣятельностью, представляетъ систему основного центра С, совокупность низшихъ центровъ опредѣляетъ безсознательную или, лучше сказать, подсознательную жизнь.

Взаимоотношенія между этими центрами должно понимать отнюдь не въ смыслѣ какой-либо социалистической общины, каждый членъ которой пользуется равными правами или, лучше

сказать, равнымъ безправіемъ, служа всецѣло безопасности и благосостоянію этой общины. *С* представляетъ *тирана*, *захватившаго власть*, но каждый моментъ рискующаго потерять ее, если не во всемъ своемъ царствѣ, то хотя бы въ небольшихъ ея частяхъ. Борьба съ самимъ собой—вотъ главное содержаніе жизни. Это — борьба ангеловъ и діаволовъ, живущихъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, это война различныхъ душъ, различныхъ сознаний. Это рядъ договоровъ рабовъ противъ повелителей, усмиреніе ихъ или гибельная для господина и ихъ самихъ побѣда! Но даже безправный рабъ имѣетъ свое, хотя бы и весьма жалкое имущество, имѣетъ хотя бы и весьма узкую область, въ которой онъ уже является неограниченнымъ владыкой. Низшее сознание, или, какъ мы будемъ называть, низшая психика въ силу присущей ей воли къ власти должна захватить ту область, которая оставлена ея господиномъ безъ вниманія. *То, что въ элементарныхъ актахъ не опредѣляется центральнымъ сознаниемъ, принадлежитъ низшимъ сознаниямъ.* Итакъ моимъ тѣломъ владѣетъ не одно *Я*, а многія, ведя время отъ времени борьбу за обладаніе, и не инстинктъ самосохраненія, а воля къ власти—главный факторъ этой борьбы. Какъ богачъ, занявъ квартиру въ двѣнадцать комнатъ, загоняетъ бѣдняка въ подвальную коморку, такъ и центральное *Я*, овладѣвъ главной частью организма, оставляетъ низшему *Я* незамѣтную ему область, которая тѣмъ не менѣе можетъ таить въ себѣ то, что можетъ послужить къ его гибели.

## § 6. Гиперстезія низшихъ сознаний.

Есть области, гдѣ порогъ сознанія низшей психики ниже, чѣмъ для *С*, и это является причиной того, что эти ощущенія нами не сознаются. Низшая психика можетъ слышать и видѣть, когда *С* ничего не видитъ и не слышитъ. Какъ центральная психика въ своей широкой области, такъ и низшія въ своихъ узкихъ эволюционируютъ, и низшая психика, связанная, напр., съ нервами осязанія, можетъ, будучи въ остальномъ неизмѣнимо ниже центральной, лучше осязать и знать то, что не знаетъ эта послѣдняя.

Орелъ съ своимъ ничтожнымъ мозгомъ обладаетъ зрѣніемъ, о которомъ не можетъ мечтать ни одинъ человѣкъ, и которое служить ему не для раскрытія тайнъ пестрой природы, его

окружающей, а для выслѣживанія съ тѣхъ огромныхъ высотъ, на которыя онъ подымается, тѣхъ жертвъ, которыя служатъ ему пищей.

Что такое предчувствіе, какъ не результатъ большей чувствительности одной изъ низшихъ психикъ? Начало процесса — первое ощущеніе и рядъ умозаключеній находится подъ порогомъ сознанія, только конецъ, то сильное чувство, которое является какъ бы заключительнымъ аккордомъ, всплываетъ, какъ туманное предчувствіе, въ область сознанія.

Этотъ взглядъ даетъ возможность представить въ ясной формѣ то объясненіе вѣщихъ сновъ, которое даетъ Вундтъ, опираясь на фактъ безсознательной психической жизни.

Вундтъ рассказываетъ о библіотекарѣ, который три ночи подрядъ видѣлъ во снѣ пожаръ ввѣренной ему библіотеки, пока, наконецъ, не замѣтилъ одно мѣсто на полкѣ, гдѣ книги, прилегая къ печной трубѣ, начинали тлѣться. Такимъ образомъ во снѣ библіотекаръ получилъ какъ бы предупрежденіе и, если бы онъ, подъ вліяніемъ сновидѣнія, не произвелъ тщательнаго осмотра, то сонъ могъ бы оказаться вѣщимъ.

Явленіе это объясняется такъ. Запахъ гари былъ настолько слабъ, что не могъ быть ощущаемъ библіотекаремъ въ бодрственномъ состояніи. Запахъ гари былъ *недоступенъ сознанію, но тотъ же запахъ ощущался низшимъ сознаніемъ*, которое и создавало рядъ отвѣчающихъ ему образовъ.

Во снѣ произошло колебаніе порога сознанія С, и въ него устремилось содержимое низшаго сознанія.

Во снѣ имѣетъ мѣсто пониженіе дѣятельности только главной, основной психики, по психики низшихъ порядковъ могутъ проявить, наоборотъ, повышенную въ сравненіи съ нормальной дѣятельность. Когда хозяинъ спитъ, слуги чувствуютъ себя хозяевами.

Во снѣ колеблется единство личности; въ сознаніе выплываютъ такіе образы, ощущенія и мысли, которые не могутъ быть связаны со всей системой психическихъ элементовъ, образующихъ нашу личность. Эти образы, ощущенія и мысли принадлежатъ низшимъ психикамъ. Изъ темныхъ нѣдръ души на свѣтлую поверхность сознанія происходятъ изверженія.

Случается, что во снѣ предлагаютъ намъ какой-либо вопросъ или загадку, на которую мы не можемъ отвѣтить, но на нее

отвѣчаютъ другіе, и въ вѣрности ихъ отвѣта мы точно убѣждаемся во снѣ или по пробужденіи.

Можно было бы стараться объяснить это воспоминаніемъ. Загадку, можетъ быть, мы знали раньше и знали также и ея рѣшеніе. Въ образахъ сновидѣнія проецируются только наши воспоминанія.

Но подобное объясненіе является неправильнымъ въ томъ случаѣ, когда навѣрняка извѣстно, что такой загадки мы не могли прочесть и весьма мало вѣроятно, чтобы могли ее отъ кого-либо услышать.

Автору пришлось увидѣть слѣдующее сновидѣніе: войдя въ комнату, онъ увидѣлъ своихъ братьевъ, которые предложили ему шараду: «Первый слогъ—извѣстный трагикъ, второй—предлогъ, третій—мѣстоимѣніе, а все—лошадь» и, когда авторъ по размышленіи не смогъ отвѣтить, ему была дана разгадка: «Россинато». Очевидно, въ этой шарадѣ ошибка: лошадь Донъ-Кихота—не Россинато, а Россинантъ, «нан» не можетъ быть предлогомъ. Такой шарады, конечно, не приходилось ни читать, ни слышать и врядъ ли приходилось и самому сочинять, такъ какъ тотчасъ, по пробужденіи, была найдена ошибка. Продолжая начатую сознаниемъ передъ началомъ сна работу, низшая психика продолжала ее тогда, когда сознание было полно образами сновидѣній.

Колеблясь около порога сознанія, мыслительная работа низшей психики только частью проникла въ сознание. Сперва проникло заданіе загадки и проецировалось въ образы сновидѣній, затѣмъ, подъ давленіемъ теченія образовъ всплываетъ и разгадка.

*Строеніе низшей психики то же, что и высшей. Она желаетъ, ощущаетъ и мыслитъ. Будучи въ общемъ ниже по развитію, она можетъ тѣмъ не менѣе проявить нѣкоторыя спеціальныя способности, равныя и даже превосходящія соотвѣтствующія способности высшей психики.*

## § 7. Убожество низшей психики.

Мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть тотъ фактъ, что общее развитіе низшей психики очень низко.

Изъ того, что въ величайшихъ открытіяхъ принимала участіе бессознательная мысль, не слѣдуетъ ей, главнымъ образомъ, при-

писывать въ этомъ заслугу. Выстроены тысячами рабочихъ храмъ, но не рабочихъ, а архитектора мы должны признать творцомъ этого храма. Выиграно сраженіе, кто же главнымъ образомъ побѣдитель: сражавшіеся солдаты или ихъ гениальный полководецъ? Архитекторъ безъ рабочихъ, полководецъ безъ солдатъ—ничто, такъ какъ идеи его остаются неосуществленными.

Безспорно, что огромная часть мыслительной работы совершается въ тайникахъ подсознательной жизни, рядомъ съ главной психикой прядуть свою пряжу и низшія психики. Но работа послѣднихъ опредѣляется высшей. Если задача, не рѣшенная сознаниемъ, рѣшается въ подсознательной области, то отнюдь не потому, что за порогомъ сознанія сидитъ лучшій, болѣе смысленный работникъ, а только потому, что здѣсь, хотя и лучшій, да только одинъ, а тамъ ихъ тысячи, хотя эти тысячи хуже мыслятъ и кругозоръ ихъ уже, но на тысячу неудачъ можетъ быть одна удача, и эта-то удача и всплываетъ въ сознаніе. Вотъ, какъ характеризуетъ Бинэ <sup>1)</sup> бессознательную жизнь нормальнаго человѣка: «ходить, садиться, перевернуть страницу книги,—это все акты, которые мы совершаемъ, не думая, но довольно трудно изучить у человѣка нормальнаго бессознательную дѣятельность: и, болѣе того, эта дѣятельность представляется консервативной, состоящей изъ *привычекъ, живущей повтореніями*; вообще она выдумываетъ мало, иногда кажется судящей и рассуждающей, но эти сужденія и заключенія—старыя, которыя она *повторяетъ*, и почти никогда не возвышается до ступени независимой личности».

## § 8. Вторичное Я истеричныхъ.

Въ нормальномъ состояніи центральное Я властвуетъ надъ другими низшими Я, властвуетъ, какъ неограниченный монархъ. Но можетъ случиться, что рядомъ съ тираномъ встанетъ узурпаторъ части или даже всей его власти. Обѣ руки поднимаются вѣлѣніемъ основнаго центральнаго сознанія. Боль отъ укола руки доходить до него, какъ сигналъ объ опасности, и въ свою очередь мышцы производятъ то, что отвѣчаетъ рѣшенію, принятому главнымъ Я для отраженія опасности. Но, когда равно-

<sup>1)</sup> A. Binet. Les altérations de la personnalité. 1892.

вѣснє нервной системы нарушено, когда мы имѣемъ не нормальнаго, здороваго человѣка, а истерика, то можетъ случиться, что рука не почувствуетъ боли и не будетъ повиноваться сознательному желанію.

Власть надъ ней отнята отъ центрального Я. Она не принадлежитъ ему. Владѣнія тирана раздѣлены. Здѣсь мое, но рядомъ съ моимъ есть то, что не Я, что другое Я считаетъ своимъ.

Нечувствительная рука истеричнаго нечувствительна только для центрального сознанія, но она чувствительна для другого сознанія, для того, которое узурпировало власть главной психики. Именно на эту точку зрѣнія становится Бинэ при своихъ объясненіяхъ явленій сонambuлизма.

Въ явленіяхъ истеричной нечувствительности, когда, по мнѣнію Бинэ, мы имѣемъ, такъ сказать, передъ нашими глазами два сознанія, одно, хотя и потеряло часть своей власти, но еще настолько сильно, что составляетъ независимую личность, другое находится наполовину въ эмбриональномъ состояніи, подобное ребенку, который, выйдя изъ утробной жизни, еще не все видитъ и не все слышитъ. И вотъ, изучая эти сознанія, мы можемъ, такъ сказать, воочию наблюдать подтвержденія того, что выше сказано о низшихъ психикахъ.

Прежде всего рѣзко выступаетъ возможность *гиперстезіи*. Низшія психики могутъ лучше видѣть, лучше слышать, чѣмъ основныя.

«Въ явленіяхъ отрицательныхъ галлюцинацій (или, какъ ее называетъ Бинэ <sup>1)</sup>), систематической анестезіи) субъектъ по внушенію, сдѣланному ему въ гипнотическомъ состояніи, не видитъ опредѣленныхъ, указанныхъ въ этомъ состояніи предметовъ.

Такъ, напримѣръ, не видитъ изъ пяти картъ одну опредѣленную карту, напр. туза пикъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Бинэ, что для того, чтобы субъектъ не видѣлъ опредѣленной карты, необходимо, чтобы онъ предварительно ее узналъ, необходимо, чтобы подсознательное Я его видѣло. Все это доказываетъ весьма ясно, говоритъ Бинэ, что субъектъ поступаетъ, какъ личность, имѣющая желаніе, волю не видѣть невидимый объектъ, онъ устанавливаетъ себя такъ, чтобы не видѣть, онъ приспособляетъ себя къ этому: и онъ стремится въ особен-

<sup>1)</sup> Binet, p. 275.

ности не смѣшать его съ тѣмъ, который ему оставленъ, онъ различаешь его отъ другихъ, онъ его узнаешь, но иногда ошибается, это значитъ — не узналъ его».

### § 9. Тенденція къ подражанію низшей психики.

Въ тѣхъ же явленіяхъ видно и общее низкое развитіе вторичнаго сознанія въ сравненіи съ главнымъ. Дѣйствія его опредѣляются большей частью не сознательными цѣлями, а только волевыми представленіями. Образъ или идея влечетъ ее къ соотвѣтствующему дѣйствию также, какъ движенія человѣка влекутъ обезьяну или ребенка къ подражанію имъ или взглядъ съ высоты горы или высокой башни влечетъ насъ къ паденію. Въ основѣ недоразвитая и только односторонне гиперстезированная низшая психика обнаруживаетъ рѣзко склонность къ *подражанію* и *повторенію*. Вотъ простѣйшіе опыты надъ истеричными, о которыхъ упоминаетъ Бинэ <sup>1)</sup>.

«Пусть нечувствительная рука субъекта спрятана за экраномъ. Дадимъ этой рукѣ медленное или быстрое правильное движеніе, напримѣръ движеніе ко рту и обратно, или будемъ вертѣть руку около локтя или будемъ сгибать палецъ. Если мы теперь внезапно остановимъ членъ во время движенія, то увидимъ продолжающимся нѣкоторое время движеніе, которое будетъ различно для разныхъ субъектовъ. У однихъ сообщенное движеніе продолжается очень мало, палецъ, который сгибали, нѣсколько разъ разгибается очень трудно, если его оставить: движеніе слабо и неустойчиво. Наоборотъ, у другихъ больнахъ сообщенное движеніе можетъ повторяться нѣсколько разъ подрядъ, и мы видѣли истеричныхъ, гдѣ повтореніе имѣло мѣсто 100 разъ безъ перерыва».

Эта склонность къ повторенію замѣчается и при болѣе высокихъ актахъ подсознательнаго. Это можно усмотрѣть и въ автоматическомъ письмѣ истеричныхъ.

Особа пишетъ по нѣсколько разъ одну и ту же букву.

Въ указанныхъ нами опытахъ подсознательное повторяло свое, но можно указать случаи, когда оно повторяетъ то, что начало сознательное <sup>2)</sup>. Можно попросить истеричнаго написать нѣ-

<sup>1)</sup> Binet, p. 81.

<sup>2)</sup> Binet, p. 93.



сколько разъ букву А, и затѣмъ остановить, вопреки его желанію рука продолжаетъ писать, и часто можно прекратить это, лишь отбросивъ перо въ сторону. Если чувствительная рука истеричнаго выводитъ какія-либо буквы, то нечувствительная рука вложеннымъ въ нея карандашомъ пишетъ, тѣ же буквы.

Низшее сознание, управляющее ею, не понимаетъ ихъ, оно не можетъ о нихъ судить и разсуждать, оно только тупо подражаетъ тому, что дѣлаетъ главное сознание.

### § 10. Раздвоеніе личности.

Можетъ случиться, что гордый тиранъ, сверженный узурпаторомъ, уступить хотя бы на короткое время свое мѣсто этому послѣднему. Тогда прежнее Я замѣнится новымъ Я, и это новое Я, какъ и прежнее, обратится въ личность, оно притянетъ къ себѣ иные, чѣмъ прежнее Я, элементы, оно начнетъ новую жизнь въ чужомъ жилищѣ. Мы будемъ имѣть тогда не два сознанія, а двѣ личности, мы будемъ имѣть двѣ жизни и въ одномъ тѣлѣ, послѣдовательно другъ друга смѣняющихъ. Сегодня эта голова, эти руки и эти ноги принадлежали А, который имѣетъ свой характеръ, завтра это же принадлежитъ В, который не знаетъ А, который помнитъ то, что не помнитъ В, который веселъ, когда А угрюмъ, который нравственъ, когда А полонъ самыхъ грязныхъ пороковъ. Во многихъ психологическихъ сочиненіяхъ можно найти описаніе извѣстныхъ наблюденій доктора Азама надъ нѣкоей Федиціей, которая жила двумя жизнями, раздѣленными между собой истеричнымъ припадкомъ и сномъ. То же случилось и съ одной американкой. При этомъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое ей приходилось всему снова учиться, такъ что вторичное сознание все-таки и по одержаніи полной побѣды осталось значительно ниже развитымъ въ сравненіи съ первичнымъ.

### § 11. Уроды.

Тамъ, гдѣ само высшее сознание не высоко, низшее сознание можетъ по его исчезновеніи легко занять его мѣсто, хотя бы на короткое время. Организмъ будетъ продолжать жить совершенно такъ, какъ продолжаетъ существовать и идти къ цѣли

отрядъ солдатъ, въ которомъ убитаго офицера замѣщаетъ одинъ изъ солдатъ.

Животное <sup>1)</sup>, лишенное всего голсвного мозга, можетъ приспособлять свои движенія къ измѣнившимся внѣшнимъ условіямъ и притомъ приспособлять такъ, что, если бы мы имѣли право видѣть здѣсь сознание и волю, мы должны были предположить у лягушки полное знаніе положенія какъ всего тѣла, такъ и отдѣльныхъ его частей.

Если у лягушки отрѣзана нога на той сторонѣ, на которой дѣйствуетъ на тѣло кислота, то лягушка сначала дѣлаетъ безплодныя попытки стереть раздражающую жидкость культею, но потомъ употребляетъ ножку другой стороны тѣла. Если положить обезглавленную лягушку на спину и помазать кислоту внутреннюю сторону одного изъ бедеръ, то она, стараясь удалить кислоту, третъ бедрами другъ о друга: если при этомъ оттянуть одно бедро въ сторону, то, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ въ прежнемъ родѣ, она вытягиветъ другое бедро по направленію къ первому и снова достаетъ имъ до раздраженнаго мѣста и т. д.

Но самостоятельное положеніе двухъ сознаний въ однихъ и тѣхъ же областяхъ можетъ проявиться и одновременно, именно тогда, когда анатомическое строеніе организма даетъ повторенія однихъ и тѣхъ же органовъ, т.-е., когда мы имѣемъ дѣло съ уродомъ.

«У уродовъ паразитнаго типа», говоритъ Рибо, «по мѣрѣ того, какъ организація дѣлается почти единичною, всѣ жизненныя отправленія, всѣ проявленія воли совершаются почти также, какъ и у нормальныхъ существъ. Малый изъ двухъ индивидуумовъ, являясь придаткомъ и инертной частью большого, имѣетъ на него лишь очень слабое вліяніе, ограничивающееся самыми малыми изъ отправленій».

Уродъ, извѣстный подъ названіемъ «*Ericone de Nome*», имѣлъ одну паразитную голову, которая представляла лишь весьма несовершенный очеркъ нормальной жизни. «*Я не есть*», заключаетъ Рибо, «сущность, дѣйствующая какъ и гдѣ ей угодно, произвольно управляющая органами и произвольно ограничивающая свою

1) Вундтъ, «Физиологическая психологія».

2) Рибо. «Болезни личности». Спб. стр. 66, стр. 77.

область... Область ея опредѣляется анатомическими связями съ мозгомъ, и оно представляетъ то цѣлое тѣло за изъятіемъ одной нераздѣльной части, то половину тѣла, то такую ничтожную область, какъ у уродовъ паразитнаго типа, что не можетъ существовать и обрѣчено на гибель».

## § 12. Низшая психика въ элементарныхъ дѣйствіяхъ.

Для того, чтобы уяснить, какимъ образомъ можно найти факторъ, измѣняющій вѣроятности случаевъ видимо равно возможныхъ и создающій полосы счастья и несчастій—въ безсознательной жизни, въ дѣятельности тѣхъ низшихъ психикъ, о которыхъ мы говорили, возьмемъ сперва явленіе, такъ сказать, простѣйшаго механизма. Возвратимся къ процессамъ ходьбы. Предположимъ, что, свершая свой обычный путь отъ квартиры до университета, я однажды споткнулся на какомъ-либо мѣстѣ. Неудачный шагъ былъ также (относительно) безсознателенъ, какъ и большинство остальныхъ шаговъ. Вина въ неудачномъ шагѣ лежитъ на низшемъ сознаниі, которое, какъ мы уже не разъ утверждали, можетъ ошибаться также, какъ и главное сознание. Расчетъ длины шага былъ неправильно сдѣланъ. Если эта ошибка повторится второй разъ, то она *еще легче* повторится и третій, а затѣмъ и четвертый разъ, если только не вмѣшается сознание, т. е., я не обращаю на это вниманіе, *сознательно* не сдѣлаюсь болѣе осторожнымъ. Опытъ показываетъ, что низшая психика имѣетъ склонность повторять ошибки, дѣйствовать не въ направленіи пользы и безопасности всего организма, а слѣпо воспроизводить нѣсколько разъ свершившееся вредное дѣйствіе. Такимъ образомъ поступаетъ низшая психика Горбуновскаго ямщика, сваливающаго тарантасъ «кажинный разъ на этомъ мѣстѣ».

Такая повторяемость является возможной вслѣдствіе *автономности* низшей психики въ извѣстныхъ границахъ, правда довольно тѣсныхъ. Сознание С, какъ нами было показано, не интересуется деталями, оно требуетъ ряда шаговъ, свершаемыхъ въ намѣченномъ направленіи, не интересуясь механизмомъ каждаго шага. Споткнуться или не споткнуться, пока сознательное вниманіе не направлено на движеніе ноги, всецѣло зависитъ отъ психики низшаго порядка.

Если эта послѣдняя находится подъ властью какого-либо до-вольно сильнаго представленія, способнаго вызвать соотвѣтствующій ему волевой импульсъ, то дѣйствіе ея можетъ оказаться вполне неразумнымъ. Она можетъ направить все то, что поручено ей высшей психикой, къ опасности. Она можетъ подъ очаровывающимъ дѣйствіемъ какого-либо образа увлечь ее и себя на окончательную гибель.

### § 13. Въ силѣ подсознательнаго.

Передо мной опять находится урна съ 10 бѣлыми и черными шарами. Вѣроятность вынуть бѣлый шаръ равна вѣроятности вынуть черный. Вынимая послѣдовательно наудачу одинъ шаръ за другимъ и возвращая его въ урну, я долженъ разсчитывать, что черный и бѣлый шаръ будутъ выходить одинаково часто. Условившись съ кѣмъ-либо получать съ него 1 рубль за бѣлый и отдавать 1 рубль за черный, я долженъ ожидать, что не буду ни въ большомъ проигрышѣ, ни въ большомъ выигрышѣ. Такая игра должна быть признана безобидной и для меня и для моего партнера. И мы выше указали, что такіе выводы имѣютъ мѣсто только, если выходомъ руководить *случай*, если дѣйствительность близко подходитъ къ математической схемѣ, если *Я* не знаетъ, гдѣ бѣлый и гдѣ черный шаръ, или, точнѣе, если никто изъ власть имущихъ надъ моей рукой не знаетъ.

Но то, чего не знаетъ главное *Я*, то можетъ быть извѣстно низшему *Я*, что не извѣстно начальству, то можетъ знать подчиненный. Движенія руки въ урнѣ, которыя приводятъ къ поднятію того или другого шара, это и есть тѣ малыя движенія, которыя не подчинены центральному *Я*, но про которыя еще нельзя сказать, что это движенія чисто механическія, что человекъ въ этихъ движеніяхъ автоматъ наподобіе Декартовыхъ животныхъ.

Эта область принадлежитъ низшему *Я*, это тотъ уголъ, въ который побѣдитель, торжествующій своей неограниченной властью, центральное *Я*, загналъ своего побѣжденнаго врага. Но тамъ, въ этомъ темномъ углу, въ этой скрытой засадѣ, врагъ *лучше видитъ* и *больше знаетъ*, чѣмъ его побѣдитель. Онъ можетъ оказаться именно такимъ низшимъ сознаниемъ, которое въ извѣстныхъ отношеніяхъ обладаетъ большей силой, гипер-

стезіей какихъ-либо способностей. Какъ вторичное Я спящаго или сомнамбула оно можетъ обладать болѣе тонкимъ осязаніемъ, различающимъ поверхность чернаго шара отъ поверхности бѣлаго, можетъ имѣть и такія способности, которыя у главнаго Я или въ эмбриональномъ состояніи или даже совершенно отсутствуютъ.

Гдѣ бѣлый и гдѣ черныя шары? Центральное Я этого не знаетъ. Но вѣдь «Я» библіотекаря, о которомъ мы выше говорили, не слышало того запаха, что было доступно другому Я, вызвавшему образы его въ сновидѣніи.

Низшее Я, властитель моей руки, которое по существу ничѣмъ не отличается въ тотъ моментъ, когда я вынимаю шаръ, отъ вторичнаго Я сомнамбула; оно именно и является помѣхой для законовъ случайности. Вмѣшательство этого низшаго Я и нарушаетъ приблизительную правильность поочередныхъ выходовъ бѣлаго и чернаго шара, создавая полосы послѣдовательныхъ удачъ и неудачъ.

Оно знаетъ, что сейчасъ вышелъ черныя шаръ два раза, и его тянетъ направить руку, чтобы снова вышелъ черныя шаръ, мѣсто котораго оно знаетъ. И опять за выходомъ чернаго шара оно направляется къ новому черному шару и продолжаетъ такъ, пока не ошибется, ибо ему свойственно ошибаться также, какъ и высшему Я. Но если низшее Я знаетъ, гдѣ бѣлый и гдѣ черныя шаръ, если оно можетъ вынуть тотъ, который оно пожелаетъ, то отчего же оно не вынимаетъ тотъ, который является наиболѣе желательнымъ центральному Я и тотъ, который, можетъ быть, является необходимымъ и полезнымъ всѣмъ Я, какъ высшему, такъ и низшимъ. Это происходитъ только потому, что это Я именно *низшее* и не только низшее въ томъ смыслѣ, какъ низшимъ является подчиненный къ своему начальнику, но и въ томъ смыслѣ, что въ общемъ (а не въ нѣкоторомъ специальномъ направленіи) оно менѣе развито, оно не можетъ такъ мыслить, какъ мыслить центральное Я. Если оно поступаетъ предательски, то не потому, чтобы оно желало сгубить своего монарха и себя самого; оно поступаетъ такъ потому, что на той низкой степени развитія, на которой оно находится, оно не можетъ иначе поступать, оно, какъ вторичное Я сомнамбула, главнымъ образомъ должно *повторять* въ своей автономной области.

При этомъ эта тенденція къ повторенію тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе тотъ образъ чернаго шара, который опускается въ низ-

шее Я изъ сознательнаго Я, все болѣе и болѣе волнующагося то страхомъ, то отчаяніемъ, при слѣдующихъ другъ за другомъ проигрышахъ, и все возрастая, онъ выступаетъ все болѣе и болѣе могущественной силой противъ случая. Но весь ужасъ, какъ грозная туча окружающій въ сознаниі образъ чернаго шара, весь остается наверху, ибо низшее Я уже не способно ни бояться, ни отчаиваться такъ, какъ боится и отчаивается его властитель. Происходитъ то же, что съ рукой сомнамбула, но только въ обратномъ направленіи. Анестезированную руку сомнамбула подвергаютъ девяти уколамъ, въ сознаниі его ярко возникаетъ идея девяти, которую онъ не знаетъ, куда отнести. Въ автоматическомъ письмѣ <sup>1)</sup> главное сознание думаетъ о словѣ, а вторичное сознание пишетъ слово; ассоціация идей совершается между сознаниями, но оба сознаниа, каждое остается въ своихъ границахъ: сознание Аничего не знаетъ объ идеяхъ и движеніи, производимыхъ въ В. Изъ А въ В проникаетъ только очищенная идея, безъ указанія на то, что ее окружаетъ, и она въ В производитъ дѣйствіе, ей отвѣчающее. Сомнамбулъ иногда вспоминаетъ явленія бодрственной жизни, но не приписываетъ ихъ себѣ, онъ говоритъ о бодрственной личности, какъ посторонней, онъ вспоминаетъ ее, какъ другую, ибо въ сознаниі его проникли лишь образы изъ жизни послѣдней, очищенные отъ чувствъ, съ ними связанныхъ.

Совершенно такое же явленіе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда страхъ передъ какимъ-либо явленіемъ и всѣ вытекающія отсюда старанія центрального сознания избѣгнуть его роковымъ образомъ разбиваются при встрѣчѣ съ какой-то болѣе могучей силой, которая быстро возрастаетъ вмѣстѣ со страхомъ.

Достигая необычайной яркости при конвульсивныхъ постоянныхъ возвращеніяхъ по нему трепещущаго подъ давленіемъ ужаса сознания, представленіе опускается въ низшее сознание, обращаясь въ волевое представленіе, влеча послѣднее къ дѣйствію, соответствующему ему. Идіотъ Достоевскаго боится разбить китайскую вазу, столь дорогую Аглаѣ, и вотъ страхъ роковымъ образомъ приводитъ къ тому, что то изъ движеній его, которое было для него безсознательнымъ, свершаетъ столь страшную для него катастрофу.

<sup>1)</sup> Binet, p. 319.

Итакъ, мы видимъ, что сознание, отдавая себя случаю, отдаетъ себя во власть низшимъ сознаніямъ, незамѣтно для себя выпущая изъ клѣтки дикихъ звѣрей, добычей которыхъ и дѣлается. Подобно тому, какъ стадо коровъ, убѣжавъ отъ пастуха, мчится по полотну желѣзной дороги, влекомое не инстинктомъ самосохраненія, а очарованное огненными глазами приближающагося чудовища, подъ вліяніемъ одного, все время возрастающаго образа, сознание низшаго порядка съ упорствомъ воспроизводитъ все тѣ же дѣйствія въ той узкой области, которая была обойдена вниманіемъ его властителя и отъ которой зависитъ теперь его судьба, съ упорствомъ движется навстрѣчу тѣмъ событіямъ, которыя несутъ гибель ему вмѣстѣ съ его опрометчивымъ господиномъ.

**Д. Мордухай-Болтовской.**